

НАТАЛЬЯ МАРКЕЛОВА

Мар

ЧЕРВИВОЕ СЕРДЦЕ

Роман

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА
2019

Глава 1

У ЭТОГО ЗАМКА не было имени. В те времена, когда люди начали давать замкам имена, он был уже стар. Настолько стар, что умирал, разваливаясь и рассыпаясь, постепенно становясь тем, из чего и был сотворён, — пылью, камнями и призраками людей, прикосновения рук которых помнили его когда-то могучие стены. Его называли просто — Замок, поминая это имя с почтением и страхом. О нём рассказывали страшные истории в трактирах и пели трагические баллады на площадях. К нему стремились те, кого покинула вера в счастье. Мы с отцом тоже пришли сюда, но, в отличие от людей, оставивших надежду, были полны ею до краёв. Точнее, планами был полон мой отец, мне же всего-то и оставалось делать вид, будто я не против его затеи.

Стояла ранняя весна, и солнце жарило так, что мы изрядно взмокли, пока поднимались в гору по извилистой тропе, но, едва на нас легла тень Замка, я почувствовал смертельный холод. Я бежал бы отсюда прочь, если бы не отец. Он ободряюще улыбнулся и пошёл вперёд как ни в чём не бывало. Я побрёл следом за ним, хотя мне и было не по себе от этого места. Мой отец был простым человеком, но смелости ему было не занимать. Я всегда

это знал, и люди вокруг это тоже чувствовали. И я бы ни за что не сказал отцу о своих страхах. Меньше всего мне хотелось, чтобы он считал меня трусом. Я и так слишком уж непохож на отца, чтобы отличаться ещё и в этом.

Я шёл, стараясь не касаться серых стен Замка, и думал о том, что, должно быть, в этом месте поселились все ветры на свете. Они завывали на разные голоса, проклиная и плача. Они насмехались, швыряя мне в спину, точно камни, все обидные прозвища, которые доводилось им обо мне слышать. А этих насмешек было немало. Мне хотелось зажать уши или схватить за руку отца, который хоть и находился рядом, но, казалось, не замечал ничего вокруг. Так было всегда, сколько я себя помнил. Иногда я задавался вопросом: видит ли меня отец таким, каким я являюсь на самом деле, или смотрит на совсем другого, выдуманного им мальчика? Я гадал, какой он, этот мальчик. Пытался рассмотреть его в глазах отца. Иногда я хотел стать им, а порою, в ярости, жаждал разрушить этот образ. Но от моих желаний ничего не зависело.

— Посмотри, — взмахнул рукой отец, — как прекрасно это место.

И снова я поразился тому, как по-разному мы видим мир вокруг.

«Что с тобой, отец?!» — хотелось крикнуть мне, но я, как всегда, не решился на прямое противоречие. Меня пугала вероятность, что отец видит всё правильно, а вот

я имею такое же искажённое зрение, как и тело. Смог бы я пережить это в тот момент? Не думаю. И потому лишь робко возразил:

— Прекрасны? Эти развалины?

— Нет, ты не понимаешь, сын. Это место полно тайн и историй, оно величественно! Осознаёшь ли ты, что сейчас, прикоснувшись к нему, мы тоже становимся частью этого величия, возможно началом новой легенды?

Ветер, хохоча, толкнул меня в грудь, где-то в вышине над провалившимися крышами закричали вóроны, и неожиданно я испугался, что слова отца окажутся пророческими, а этот миг и впрямь начало легенды — вот здесь, у этих развалин, под серым небом, на холодном ветру. Наверное, многие мальчишки мечтают стать частью героической истории, но только не я. Я хотел лишь одного: чтобы меня поменьше замечали. Мечтал стать обычным, таким как все, но разве это возможно, если ты — часть легенды? Легенды выделяют тебя ярким цветом, ставят на помост и трубят: смотрите на героя!!! Представляю, как позабавилась бы толпа, глаза на меня.

Отец прервал мои размышления, указав куда-то вверх:

— Снежные вороны прилетели.

Я проследил за его рукой и увидел трёх белых птиц, сидевших на сучке сухого дерева. Чёрными у них были лишь лапы, клювы и потухшие угольки глаз.

неземное создание будет всегда рядом со мной. Никогда не питавший особой любви к музыке, я вдруг ощутил страстное желание прикоснуться к лютне, провести рукой по струнам, услышать, как откликается инструмент, оживая в моих руках, как издаёт первый звук. Именно в тот момент у изуродованной вишни я стал музыкантом. Видение сделало то, чего не смогли все учителя, которых нанимал отец, — я захотел выразить тайные устремления сердца. Только музыкой я мог передать, что чувствую. И вдруг в моей голове зазвучали посторонние мысли.

«Мальчик. Этот мальчик?» — Вопрос прозвучал очень чётко, но я сомневался, не был ли он создан моим воображением. Ведь Дэмон не имела голоса, тогда кто же мог сказать это? Ещё мгновение — и я, возможно, разобрался бы, но...

— Нет, не смей её трогать, — схватил меня за руку отец, когда я невольно сделал шаг к Дэмон.

— Но почему? — замер я в испуге.

— Она только этого и ждёт. Жаждет покорить, сделать тебя своим рабом.

Дэмон улыбнулась, и по этой улыбке я понял, как был прав отец. Любой, кто проявлял слабость в её присутствии, навсегда терял себя. Я вспомнил жуткие истории, которые рассказывали об этом месте, и подумал, что, возможно, не все из них выдумка. Что будет с тем, кто поддастся ей? Чего она потребует?

Я заёрзал в поисках оружия, как назло под рукой ничего не оказалось.

«Смерть уже рядом со мной, — услышал я вновь и повернулся на голос, — не стоит утруждать себя, мальчик».

То, что рядом со мной не просто эльф, а один из великих, я понял сразу, хотя эльфы не носят знаков отличия, да и вооружение у них у всех одинаковое. Ощущение силы, исходившее от раненого, говорило о многом. Видимо, эти мысли чётко проступили на моём лице, потому что эльф улыбнулся (от этого усилия изо рта у него вытекла капелька крови) и сказал:

«Ты прав, мальчик, я король».

«Это я вас...» — Я сел, борясь со слабостью.

«Нет. — Он вновь улыбнулся, и новая струйка крови испортила его красоту. — И я не в обиде на вас, людей. Просто время эльфов подошло к концу. Возродят ли былую славу мои потомки, мне этого знать не дано. Но это сейчас и не главное. Мальчик, я прошу тебя исполнить одну мою просьбу, ведь у людей есть обычай не отказывать умирающим».

«Если это будет в моих силах, ваше величество», — отозвался я, испуганно гадая, что же попросит у меня эльф.

Король сделал над собой усилие и сорвал с шеи небольшой кожаный мешочек:

«Возьми его. В этом мешочке хранится вишнёвая косточка. Когда ваши воины свалят все наши тела в одну

Единорог стоял посреди Болот и задумчиво жевал цветы. Зверь словно парил над землёй. Казалось, что он и существует на самом деле, и в то же время снится нам.

— Он такой, потому что живёт в двух мирах одновременно, — пояснил я.

Волшебный зверь поднял голову и посмотрел на нас. Если сам он был белым, точнее сказать как бы прозрачным, то глаза его поражали насыщенным ярко-фиолетовым цветом. Всё блекло рядом с ними, даже цветы на Болотах. Единорог отвернулся от нас и легко поскакал прочь. Стелли побежала следом, я не успел её удержать.

— Стой! — крикнул я. — Я ещё никогда не ходил так глубоко в Болота. Там может быть опасно!

— Единороги добрые, я не думаю, что он заманивает нас на погибель!

Я хотел сказать, что волшебные существа живут по собственным законам, в которые не умещаются понятия добра и зла, но Стелли уже бежала за однорогим животным, и мне не оставалось ничего другого, как только ковылять за ней следом, пытаясь запомнить дорогу.

Единорог вывел нас на небольшую поляну. Должно быть, это и было сердце Болот. На поляне стоял дом, сложенный из камней. Тропинки к покосившемуся крыльцу не было, кругом росла густая трава, кое-где сквозь неё проглядывали болотные цветы, но я не почувствовал

на нас ярко-синими глазами, в которых не было и тени испуга. И совсем не думало убежать.

Мы замерли на краю поляны, ни капли не сомневаясь, что нашли именно того, кого искали.

Бабочки успокоились и вновь подлетели к зайцу, затем они по очереди стали спускаться на его уши. Коснувшись их, каждая бабочка превращалась в маленькую фею с радужными крылышками. С радостным смехом феечка поднималась в воздух и улетала прочь.

— Так вот о чём мечтают бабочки, — ахнула Стелли и сделала шаг на поляну.

Она шла к Красному зайцу, а я смотрел на неё, как замороженный, не в силах пошевелиться. Я вдруг понял: заяц выбрал Стелли, это он поймал её сегодня ночью, а не она его.

Стелли вышла на середину поляны, бабочки и феи закружили вокруг неё, девочка села на камень и дотронулась до ушей Красного зайца, осторожно касаясь пальцами мягкой красной шёрстки. Затем поднялась и вернулась ко мне. Заяц, проводив её задумчивым взглядом, соскочил с камня и побежал к лесу. Он мгновенно бы скрылся в траве, если бы не кончики его ушей и не летящие над ним бабочки.

— О чём ты его попросила? — спросил я, очнувшись словно ото сна.

— Ни о чём, — ответила Стелли поспешно, её щёки при этом ярко вспыхнули, и я понял, что девочка мне лжёт. —

— Почти, — признался я, — один старый сон вспомнился.

— Хороший?

— Не знаю. В нём ко мне приходил человек, которого я очень любил, но она сказала мне очень странные слова. И я до сих пор не могу понять, что они означают.

— Мой отец говорит, что не стоит искать знаков и индизказаний в приснившемся сне. Иногда сны следует понимать буквально.

— Твой отец — мудрый человек.

— Я это знаю. Но мы будем говорить о нём или ты расскажешь, наконец, зачем привёл меня к колодцу?

Я пересказал Стелли историю Эгу, лишь о любимой девушке умолчал, заменив любовь дружбой. Впрочем, разве это меняло саму суть?

Идея Стелли понравилась. Мы подбежали к колодцу, и я забрался на лежавший рядом с ним камень, став с девочкой одного роста. Сдвинув крышку, мы замерли, с тревогой заглядывая в глубину и вдыхая запах холодной воды и мокрого камня. Колодец был почти полон, и из его глубины смотрели наши испуганные лица.

— Вода, вода, сохрани нас навсегда, — произнесли мы хором, а потом долго вглядывались в отражения. Затем я спрыгнул с камня, а Стелли осталась на месте.

— Ну, — спросил я у неё с нетерпением, — сработало?

Девочка мне не ответила, просто кивнула, всё так же неотрывно глядя в воду.

— Дай посмотрю.

Я вновь влез на камень. На этот раз отошла Стелли, но отражение не изменилось: из глубины на меня по-прежнему смотрели двое. Оттого что опыт удался, почему-то стало не радостно, а жутко.

— Мороз по коже, — сознался я.

— Пожалуй, магия — это не то, чем стоит развлекать себя от скуки. — Стелли передёрнула плечами. — Вот выползут эти двое из воды и придут к нам ночью.

— Твой учитель рисования неправ, у тебя отличное воображение, — буркнул я (слова девочки заставили меня поёжиться).

— Я ему никогда не расскажу об этом, потому что если мой отец узнает, чем мы тут занимаемся, то запрет меня в замке на веки вечные. Давай закроем колодец.

Так мы и сделали.

— Ну что, — сказала Стелли, когда тяжёлая крышка заняла своё место над колодцем, — взглянем, что спрятано в сундуке?

— Ты же только что и слышать не хотела больше о магии, — хмыкнул я.

— А кто тебе сказал, что в сундуке спрятано что-то магическое? Может, там просто золото.

Взойдя на крыльцо домика, мы вместе приложили ладони к шершавой двери, и она отворилась, пропуская нас внутрь. Едва мы переступили порог, где-то под крышей